

ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.260.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.269.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.348.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.355.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.542.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.591.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.617.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.701.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.2528.

Ляхоускі, У.В. Школьная адукацыя у Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 гг.) / У.В. Ляхоускі. – Вільня: Беласток, 2010. – 340 с.

.Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф.4. Оп.1. Д.75.

Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах. Петроград: 1916. – 137 с.

Ярушевич, Аф. Молодечно и его учебные заведения. [К пятидесятилетию Молодечненской учительской семинарии] / Аф. Ярушевич. – Вильно: 1914. – 70 с.

ПОЗИЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ СОБЫТИЯМ 1917 г.

В.В. Табунов

Февральская и октябрьская революции 1917 года, происходившие на фоне Первой Мировой войны, внесли существенные изменения в деятельность христианских конфессий на белорусских землях.

События февраля и октября 1917 г. поставили православную церковь в неоднозначное положение: с одной стороны, после падения самодержавия перед ней открылись возможности для самостоятельной деятельности, с другой стороны, церковь столкнулась с новой властью, стремившейся построить не только первое в мире государство, основанное на принципах социальной справедливости, но и открыто взявшей курс на ограничение деятельности религиозных институтов. Так, согласно «Декрету о земле» от 26 октября 1917 г. церковь лишалась своих земельных владений [4, с. 22]. «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. отменяла национальные и религиозные ограничения и привилегии [8, с. 424, 425]. Декретом Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятом 11 декабря 1917 г., запрещалось преподавание закона божьего в государственных, общественных и частных учебных заведениях. Декрет Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» вводил государственную регистрацию браков [3, с. 22].

Февральскую революцию 1917 г. староверы встретили с энтузиазмом, выражая полное доверие Временному правительству. Проходивший в конце августа 1917 г. съезд старообрядцев всех толков призвал к защите родины от внешнего врага и внутренней смуты [6, с. 74–75].

События октября 1917 г. были восприняты староверами негативно. В первые годы после прихода к власти большевиков старообрядчество занимало откровенно враждебную позицию по отношению к советской власти. Но с окончанием Гражданской войны и укреплением как центрального, так и местного аппаратов власти многие старообрядческие организации встали на путь лояльности по отношению к советскому правительству [2, с. 205].

Протестанты положительно восприняли события февральской революции 1917 г., которая в значительной степени позволила им активизировать деятельность по дальнейшему укреплению позиций протестантизма в стране – изданию и распространению религиозной литературы, строительству культовых зданий, привлечению новых адептов в свои ряды и так далее. Кроме этого, представителям религиозных меньшинств, в число которых входили и течения протестантского толка, постановлениями Временного правительства от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 июля 1917 г. «О свободе совести» был предоставлен ряд гражданских и политических прав – выбор места

жительства, занятие ремёслами, торговлей, промышленной деятельностью, участие в выборах, занятие государственных должностей [7, с. 225].

После октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков религиозные меньшинства, в том числе и протестанты, продолжали пользоваться относительной вероисповедной свободой по сравнению с православной церковью и римско-католическим костёлом. Специфика такой ситуации заключалась в том, что советская власть усматривала в меньшинствах религиозного толка своего рода союзника в борьбе с влиянием традиционных конфессий. Такая политика советского государства привела к значительному усилению позиций религиозных течений протестантского толка, что не без тревоги констатировалось властями [7, с. 225–226].

Февральскую революцию 1917 г. римско-католический костёл принял благожелательно. На такое отношение прямое влияние оказали мероприятия Временного правительства в конфессиональной сфере – в первую очередь постановления от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 июля 1917 г. «О свободе совести», направленные на обеспечение принципов веротерпимости и свободы вероисповеданий. К тому же при министерстве внутренних дел была создана специальная комиссия, которая должна была пересмотреть законодательство, регламентировавшее деятельность костёла в Российской империи [5, с. 176–177].

Сложившиеся условия благоприятствовали укреплению позиций римско-католической церкви на не оккупированных немецкими войсками белорусских землях. Например, в июле 1917 г. виленский епископ Э. Ропп был назначен на должность могилёвского архиепископа, а в ноябре 1917 г. за счёт парафий Могилёвской архидиоцезии была возобновлена деятельность упразднённой в 1869 г. Минской диоцезии во главе с епископом С. Лозинским [1, с. 8, 9]. Кроме данного диоцеза функционировали ещё Виленский и Могилёвский диоцезы, объединявшие 456 парафий.

Октябрьскую революцию 1917 г. костёл принял неоднозначно: с одной стороны позитивную реакцию вызвали действия советской власти по уравниванию в правах всех конфессий, но с другой стороны лишение церкви юридического статуса, национализация её имущества – земель, культовых зданий и так далее, а также вытеснение духовенства из системы образования – всё это вызвало острое недовольство со стороны костёла [5, с. 189–191].

Таким образом, с одной стороны, февраль 1917 г. благодаря отмене Временным правительством ряда нормативно-правовых актов, регламентировавших деятельность неправославных христианских конфессий, существенным образом расширил сферу их деятельности. Православная церковь, несмотря на упразднение Святейшего Синода, по-прежнему находилась под государственным патронажем. Октябрь 1917 г. был воспринят христианскими конфессиями как негативное событие, повлёкшее за собой ослабление позиций религиозных институтов в целом.

Анофранка, Н. Агляд моўнай палітыкі рыма-каталіцкага касцёла ў Беларусі ў XX ст. / Н. Анофранка, А. Гардзіенка // Terra Historica. – 2002. – № 1. – С. 3–12.

Конфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

Кривонос, Ф. У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы по истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 241 с.

Круглов, А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А.А. Круглов. – Минск: Беларусь, 1989. – 367 с.

Лиценбергер, О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001. – 388 с.

Миловидов, В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем / В.Ф. Миловидов. – Москва : Мысль, 1969. – 112 с.

Религиоведение / под ред. В.В. Старостенко. – Могилёв : МГУ имени А.А. Кулешова, 2001. – 252 с.

Священный собор Российской православной церкви. 1917–1918 гг. Обзор деяний; под общ. ред. Г. Шульца. – Москва : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2002. – 962 с.